

Марина Цветаева

Я ВАС ЛЮБЛЮ ВСЮ ЖИЗНЬ
И КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Марина Ивановна Цветаева
Я Вас люблю всю
жизнь и каждый день
Серия «Любовная лирика»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48611547

Я Вас люблю всю жизнь и каждый день: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-08863-5

Аннотация

«Все дело в том, чтобы мы любили, чтобы у нас билось сердце – хотя бы разбивалось вдребезги! Я всегда разбивалась вдребезги, и все мои стихи – те самые серебряные сердечные дребезги» – слова одного из самых ярких и талантливых поэтов XX века Марины Цветаевой. Трогательные и дерзкие, кричащие и чуть слышные в звенящей тишине стихи Цветаевой написаны не разумом, а душой и сердцем. Ее бессмертные строфы полны внутренней свободы, лирической силы и неподдельной искренности. «Крупнее Цветаевой в нашем столетии нет поэта», – сказал Иосиф Бродский. Ее творчество знают и любят миллионы людей, и не только в России, но и по всему миру. Откройте книгу, окунитесь в волшебный мир поэзии Марины Цветаевой и насладитесь неповторимой любовной лирикой.

Содержание

Предисловие	7
«Не смейтесь вы над юным поколеньем!..»	11
Встреча	12
Маме	13
Книги в красном переплете	15
Новолунье	17
В Париже	18
В Люксембургском саду	20
Молитва	21
Рождественская дама	23
Еще молитва	24
Следующей	26
Только девочка	27
Из сказки – в сказку	28
Ошибка	29
Зимой	31
На заре	33
В пятнадцать лет	34
В раю	35
Кошки	36
Декабрь и январь	37
Душа и имя	38
«Идешь, на меня похожий...»	39

«Моим стихам, написанным так рано...»	41
«Вы, идущие мимо меня...»	42
«Мальчиком, бегущим резво...»	43
«Посвящаю эти строки...»	45
«Идите же! – Мой голос нем...»	47
«Стать тем, что никому не мило...»	49
«Над Феодосией угас...»	51
«Я с вызовом ношу его кольцо!..»	53
«Не думаю, не жалею, не спорю...»	54
«Сегодня таяло, сегодня...»	55
Подруга	57
1	57
2	59
3	61
4	63
5	64
6	66
7	69
8	70
9	72
10	74
11	76
12	77
13	79
14	80
15	81

«Легкомыслие! – Милый грех...»	82
«Мне нравится, что вы больны не мной...»	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Марина Цветаева
Я Вас люблю всю
жизнь и каждый день

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Предисловие

Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) – русская поэтесса, представительница поэзии Серебряного века, прозаик, литературный критик, переводчица.

Родилась 26 сентября (8 октября новый стиль) 1892 года. Ее отец, Иван Владимирович Цветаев, был профессором Московского университета, известным искусствоведом и филологом, возглавлявшим Румянцевский музей. Он сам основал Музей изящных искусств. Мать – полька Мария Александровна Мейн – была талантливой пианисткой, но рано ушла из жизни.

Марина с раннего возраста показала свой талант. Она неплохо играла на фортепиано, в шесть лет написала первые стихи, причем впоследствии писала их и на французском, и на немецком языках, так как владела ими свободно. Произошло это потому, что начала она учиться в гимназии в Москве, а продолжила в Лозанне, в Швейцарии, после очередного переезда семьи перешла во французский интернат. После школы слушала в 1909 году в Сорбонне курс французской литературы. Продолжила обучение в Германии, в пансионе Фрайбурга.

В 20 лет Цветаева вышла замуж. Ей пришлось пережить годы Первой мировой войны, революцию в России. Гражданская война очень тяжело сказалась на моральном состоя-

нии молодой женщины. Разрыв родины на белую и красную составляющие она не принимала и не одобряла. Ее муж сражался в рядах белогвардейцев. После рождения второй дочери Марина Цветаева сталкивается с черной полосой в жизни. Побег мужа за границу, крайняя нужда, голод. Сильно заболела старшая дочка Ариадна. Она выздоровела, но заболела и в трехлетнем возрасте умерла младшая Ирина.

Весной 1922 года поэтесса добивается разрешения эмигрировать из России к мужу. У них появляется сын.

У независимой Марины Цветаевой и русской интеллигенцией зарубежья, когда она была в эмиграции, существовали разногласия. Поначалу русская эмиграция приняла Цветаеву радушно. Но она не принимала участия ни в каких поэтических или политических направлениях. Ей «некому про честь, некого спросить, не с кем порадоваться», «одна всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей...» В итоге её стихи не печатали ни за границей, ни в России.

Свою жизнь в Европе Марина описывает так: «Никто не может вообразить бедности, в которой мы живём. Мой единственный доход – от того, что я пишу. Мой муж болен и не может работать. Моя дочь зарабатывает гроши, вышивая шляпки. У меня есть сын, ему восемь лет. Мы вчетвером живём на эти деньги. Другими словами, мы медленно умираем от голода».

К 1930-м годам у Цветаевой обозначился разрыв с белой эмиграцией: «Моя неудача в эмиграции – в том, что я не эми-

грант, что я по духу, т. е. по воздуху и по размаху – там, туда, оттуда...»

В 1939 году Цветаевой удалось восстановить советское гражданство и вслед за мужем и дочерью возвратиться на родину. Она мечтала, что вернется в Россию «желанным и жданным гостем». Но этого не случилось: муж и дочь были арестованы, сестра Анастасия была в лагере. Цветаева жила в Москве по-прежнему в одиночестве, кое-как перебиваясь переводами.

Все эти события были настоящим потрясением для нежной и ранимой души Цветаевой. А творчество, как известно, есть отражение реальности.

Большинство своих произведений Марина Цветаева написала в периоды сильнейших душевных страданий. Потому что, несмотря на всю свою гениальность, она была женщиной, просто женщиной, которой так хотелось любви и простого человеческого счастья. Она была сильной и открытой, сумевшей без лишних истерик отразить в своих стихах все, что так близко женщине.

Не только ее стихи о любви, но и проза стали национальным достоянием. Многие ее творения положены на музыку и стали романсами.

Начавшаяся война, эвакуация забросили ее с сыном в Елабугу. Измученная, безработная и одинокая поэтесса 31 августа 1941 покончила с собой.

Похоронена великая поэтесса в городе Елабуге на Петро-

павловском кладбище.

Цветаева, к сожалению, при жизни не дождалась признания. Ей приходилось голодать, а творческие вечера и сборники по достоинству не были оценены современниками. В настоящее время, однако, Цветаева считается по праву одним из наиболее ярких представителей русской поэзии Серебряного века. Музей Цветаевой находится на улице Средтенка в Москве, есть также в Болшево, Александрове Владимирской области, Феодосии, Башкортостане. Памятник поэте установлен на берегу Оки в городе Таруса, а также в Одессе.

Изучение её творчества вошло в обязательную школьную программу.

«Не смейтесь вы над юным поколеньем!...»

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, —
Ведь каждый из бойцов — герой!
Гордитесь юным поколеньем!

1906

Встреча

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной –
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?

1907–1910

Маме

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неустоимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

1907–1910

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном пререплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тот час же к вам, бывало,
– Уж поздно! – Мама, десять строк!.. –
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы....
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»

Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий.

1908–1910

Новолунье

Новый месяц встал над лугом,
Над росистою межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем – скрываю, днем – молчу.
Месяц в небе, – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут – твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Октябрь 1909
Таруса

В Париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас.
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский,
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Июнь 1909

Париж

В Люксембургском саду

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
– «Подумайте, сын мой...» – «Да что вы! А мой...».

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, –
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое!

1909–1910

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, Ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
и амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

26 сентября 1909

Таруса

Рождественская дама

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река...
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Я для ослика достану хлеба,
(Не увидят, не услышат, – я легка!)
Я игрушек не возьму на небо...
Увези меня с собою в облака!

Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

1909–1910

Еще молитва

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленье завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только тени
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли теньями
Восемнадцать лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдье пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу – не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать – только тени
В тихом царстве любимых теней.

Осень 1910

Москва

Следующей

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестер.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнью не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

Только девочка

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк
И помнить: я – овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, – молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

1909

Из сказки – в сказку

Всё твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Всё, что так тянулось к небу, –
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне
Девочкой, хотя женой.

Июль 1909

Ошибка

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой – она слезинкой тает,
И возвратить воздушность ей нельзя.

Когда, пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную боль –
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя, безумствууй,
рдей!»
Твоя любовь была такой ошибкой, –

Но без любви мы гибнем. Чародей!

1909–1910

Зимой

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый

Твой воротник.

1909–1910

На заре

Их души неведомым счастьем
Баюкал предутренный гул.
Он с тайным и странным участием
В их детские сны заглянул.

И, сладким предчувствием ранен
Каких-то безудержных гроз,
Спросил он, и был им так странен
Его непонятный вопрос.

Оне, притаясь, промолчали
И молча порвали звено...
За миг бесконечной печали
Да будет ему прощено!

1910

В пятнадцать лет

Звонят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
— Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

1911

В раю

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг, – я слез не утаю...
Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю!

1911

Кошки

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг – они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

1911

Декабрь и январь

В декабре на заре было счастье,
Длилось – миг.
Настоящее, первое счастье
Не из книг!

В январе на заре было горе,
Длилось – час.
Настоящее, горькое горе
В первый раз!

1911

Душа и имя

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

1911

«Идешь, на меня похожий...»

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, –
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь,
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913

Коктебель

«Моим стихам, написанным так рано...»

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет.

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Май 1913

Коктебель

«Вы, идущие мимо меня...»

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

«Мальчиком, бегущим резво...»

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость – жизнь мне, имя – шалость!
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
– Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом или
Стали по стеклу...
– Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих и нежность
Гнева напоказ...
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

19 мая 1913

«Посвящаю эти строки...»

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу, –
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
«Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все».

В платье белоснежном – с детства
Нелюбимый цвет! –
Лягу – с кем-то по соседству? –
До скончания лет.

Слушайте! – Я не приемлю!
Это – западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю! – Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

Весна 1913

Москва

«Идите же! – Мой голос нем...»

Идите же! – Мой голос нем,
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других –
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла!

11 июля 1913

«Стать тем, что никому не мило...»

Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лёд! –
Не зная ни того, что было,
Ни что придёт.

Забыть, как сердце раскололось –
И вновь срослось,
Забыть свои слова, и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной –
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как зарисовывая тучку
Издавека
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забуть, пламенно в лазури,
Как дни тихи...
Все шалости свои, все бури –
И все стихи!

Моё свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются-так надо –
– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей –

Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века!

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Сочельник, 1913
Феодосия

«Над Феодосией угас...»

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

14 февраля 1914

Феодосия

«Я с вызовом ношу его кольцо!..»

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге! –
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

3 июня 1914

Коктебель

«Не думаю, не жалуюсь, не спорю...»

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.

Не сплю.

Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.

Давно желанного и жданного подарка
Не жду.

Не радует ни утро, ни трамвая
Звонящий бег.

Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я – маленький плясун.

Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун.

13 июля 1914

«Сегодня таяло, сегодня...»

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Ум – отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане, –
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабания
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный: этот вот, –
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод.

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пёс.
И даже нищая певица
меня не трогала до слёз.

Забвенья милое искусство
Душой освоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

Подруга

1

Вы счастливы? – Не скажете! – Едва ли!
И лучше, – пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали.
Отсюда – грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая лэди,
Никто не спас.

Вы так устали повторять любовный
Речитатив.
Чугунный обод на руке бескровной –
Красноречив.

Я Вас люблю! – Как грозовая туча
Над Вами – грех!
За то, что Вы язвительны, и жгучи,
И лучше всех.

За то, что мы, что наши жизни – разные

Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобий,
Скажу прости,
За то, что Вас – хоть разорвись над гробом! –
Уж не спасти.

За эту дрожь, за то, что – неужели
Мне снится сон? –
За эту ироническую прелесть,
Что Вы – не он.

16 октября 1914

2

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа?
Кто побежден?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? Кто – добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли –
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Ум – отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане –
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабания
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный – этот вот, –
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица,
И попросту бегущий пес.
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
– Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
– А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел!

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
– А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод!

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
– Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех...
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий – рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, –
Сильнее, чем я – желанной!

Мир – весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд
– Не более – вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей – без гнева.
– Ваш маленький Кай замерз,
О Снежная Королева!

26 октября 1914

Как весело сиял снежинками
Ваш серый, мой соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты, ярче всех.

Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась, – шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.

Как рыжие поддевки – парусом,
Божась, сбывали нам тряпье,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое бабье.

Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.

Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и изможден,
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времен.

Как руку Вы мою оставили,
Сказав: «О, я ее хочу!»
С какою бережностью вставили
В подсвечник – желтую свечу...

– О светская, с кольцом опаловым
Рука! – О, вся моя напасть! –
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть.

Как в монастырскую гостиницу
– Гул колокольный и закат, –
Блаженные, как именинницы,
Мы грянули, как полк солдат.

Как я Вам хорошеть до старости
Клялась, и просыпала соль,
Как трижды мне – Вы были в ярости!
Червонный выходил король.

Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.

Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой...

Декабрь 1914

Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распушен,
Как чудовищный цветок.

Скоро месяц, юн и тонок,
Сменит алую зарю.
Сколько я тебе гребенок
И колечек подарю!

Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслетов
И цепочек, и серег!

Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрачки!
– Спутники твои ревнивы? –
Кони кровные легки!

6 декабря 1914

Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто – лета,
Кто – край ее, кто – век?

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

Светло-коричневым кольцом
Слегка оттенены,
Владычествуют над лицом
Глаза, как две луны.

До умильности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст
И – в серебре – опал.

Рука, ушедшая в шелка,
Достойная смычка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.

10 января 1915

Ты проходишь своей дорогою,
И руки твоей я не трогаю,
Но тоска во мне – слишком вечная,
Чтоб была ты мне – первой встречною.

Сердце сразу сказала: «Милая!»
Всё тебе – наугад – простила я,
Ничего не зная – даже имени!
О люби меня, о люби меня!

Вижу я по губам – извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется – приступом!

Платье – шелковым, черным панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Всё в тебе мне до боли нравится, –
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь за лето!
Не цветок, – стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого,
Увезенный – с какого острова?

Опахалом чудишь, иль тросточкой, –
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика, –
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я,
Всё, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

Могу ли не вспоминать я
Тот запах White Rose и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком...

Мы были: я – в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы – в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом, без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый
Под тяжестью рыжей каски.
– Не женщина и не мальчик,
Но что-то сильнее меня!

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то, в шутиливом тоне:
– «Знакомьтесь же, господа».

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, –
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.

Я помню – над синей вазой –
Как звякнули наши рюмки!
– «О будьте моим Орестом!»
И я Вам дала цветок.

Смеясь – над моей ли фразой? –
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили – платок.

28 января 1915

Все глаза под солнцем – жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно не клялась –

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Оком не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
Он тебе знаком! –
Всё проснется – только свистни
Под моим окном!

22 февраля 1915

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои,

И глаза – кого-кого-то
Взглядом не дарят! –
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью – видит Бог! –
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
– Слушать не спеши! –
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
– Всё равно – канун! –
Этот рот до поцелуя
Твоего – был юн.

Взгляд – до взгляда – смел и светел,
Сердце – лет пяти...
– Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути!

28 апреля 1915

Есть имена, как душные цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...
Есть темные извилистые рты,
С глубокими и влажными углами.

Есть женщины. – Их волосы, как шлем.
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. – Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?!

Вознесение, 1915

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь,
И где – пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

В первой любила ты
Первенство красоты,
Кудри с налетом хны,
Жалобный зов зурны,
Звон – под конем – кремня,
Стройный прыжок с коня,
И – в самоцветных зернах –
Два челночка узорных.

А во второй – другой –
Тонкую бровь дугой,
Шелковые ковры
Розовой Бухары,
Перстни по всей руке,
Родинку на щеке,
Вечный загар сквозь блонды,
И полунощный Лондон.

Третья тебе была
Чем-то еще мила...
– Что от меня останется
В сердце твоём, странница?

14 июля 1915

«Легкомыслие! – Милый грех...»

Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
и мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научив не хранить кольца, –
с кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть как стебель и быть как сталь
в жизни, где мы так мало можем...
– Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо проходим!

3 марта 1915

«Мне нравится, что вы больны не мной...»

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,

За солнце, не у нас над головами, –
За то, что вы больны – увы! – не мной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.